

МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О РУССКО-УКРАИНСКИХ СВЯЗЯХ XV—XVII вв.

В истории русско-украинских связей особый интерес представляет тот все еще недостаточно изученный период, когда земли Украины вошли в состав великого княжества Литовского, и до воссоединения с Московским государством в середине XVII в. украинский народ жил в иной политической, экономической и культурной обстановке, чем русский (великорусский) народ. Это был период формирования украинского языка и литературы, связанной с традициями той древнерусской литературы XI—XIII вв., которая послужила основой литературы всего восточного славянства. Однако и русская литература XIV и следующих веков, несмотря на политическую оторванность украинских областей, разными путями проникала сюда.

Восстановить в более или менее полном объеме состав украинской письменности в целом и особенно литературы XV—XVII вв. мы не имеем возможности. Кроме стихийных бедствий (пожары, войны), на Украине причиной гибели многих книжных собраний были гонения на национальную культуру.

Эти гонения резко усилились, когда, после объединения в 1569 г. Польского королевства с Литовским великим княжеством, большая часть Украины оказалась под властью польской шляхты, а затем навязанная в 1656 г. церковная уния стала средством подчинения украинского народа папской курии. Католическая реакция, возглавляемая иезуитами, повела наступление на национальную украинскую культуру, всеми мерами стремясь помешать её развитию и втянуть школу и литературу в русло польско-латинской культуры и языка. Поскольку общение с русской литературой поддерживало на Украине национальные устремления, ставились препятствия на пути этого общения, и привезенные русские книги и украинские списки и переработки их погибли, вероятно, в немалом количестве вместе с собраниями соб-

ственно украинских произведений. Вот почему необходимы самые тщательные поиски в сохранившихся рукописных собраниях книг, написанных украинскими почерками, хотя бы с небольшими следами украинского языка или русских рукописей, записи на которых свидетельствуют о том, что они бытовали на территории Украины. Эти поиски нелегки, и существующие описания рукописей не всегда их облегчают. Если даже в описании отмечается характер почерка, то определения его порою бывают неточны и не дают возможности провести грань между украинским и белорусским письмом. В описаниях XIX в. часто встречаются термины «западно-русское», «юго-западно-русское», «белорусское» письмо, а при проверке почерк нередко оказывается типичной украинской скорописью. Еще реже в описаниях характеризуется язык рукописи, а смешение украинского и белорусского языков в определении фонетических и лексических особенностей рукописи вынуждает также обращаться непосредственно к ней для установления ее происхождения. Учитывая все, что может свидетельствовать о знакомстве на Украине и с русскими произведениями XIV—XVII вв., и с переводами, сделанными в это время на Руси, следует особое внимание обратить и на сборники, в которых можно встретить лишь выписки из тех и других. Если мы имеем дело с переводным памятником, требуется проверить, восходит ли украинский текст к известному русскому переводу или это самостоятельный перевод прямо с оригинала (например, украинский перевод романа о Петре Златые ключи не повторяет русский перевод, а сделан непосредственно с польского оригинала).¹

За последние десятилетия установлено, главным образом в работах акад. В. Н. Перетца и его учеников, немало фактов, доказывающих, что не только общее достояние русского и украинского народов — литературное наследие Киевской Руси — бытовало на Украине в XIV—XVII вв., но и ряд произведений, созданных или переведенных в это время в северо-восточной Руси, перешел в украинскую литературу. В настоящей заметке сообщаю некоторые данные, уточняющие или дополняющие известные уже факты литературного общения Украины с Московской Русью. Исследование этих данных углубит наше представление о русско-украинских литературных связях XV—XVII вв.

1. Один из широко распространенных с XIV в. в северо-восточной Руси сборников — Измарагд, свод наставлений, регулировавших поведение в общественной и семейной жизни и в XVI в. перенесенных в Домострой, был известен в украинских рукописях XV—XVII вв. Однако возник спор о том, в какой мере текст этого сборника подвергся воздействию украинского языка.² Обра-

¹ В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. I. Л., 1926, стр. 136.

² Там же, III, Л., 1929, стр. 1—19.

щают внимание на две еще не использованные в этом споре рукописи XVI в. собрания А. Петрушевича.

Сборник № 1 этого собрания содержит на лл. 34—170, писанных полууставом начала XVI в., 164 главы Измарагда. В описании язык этого текста определяется кратко: «Правопись — руской редакції»,³ однако в приведенных примерах встречаются фонетические украинизмы. Записи на сборнике указывают, что он обращался среди украинских читателей до середины XVIII в.

Сборник № 69, полуустав XVI в., на 242 лл., среди других поучений содержит и много глав из Измарагда. Хотя и этот текст в описании определен как «редакція руська»,⁴ однако и в нем явны фонетические украинизмы. Этот сборник имеет украинские записи до второй половины XVIII в.

2. В списках XVII в. украинского письма известна повесть о нашествии на Москву Темир-Аксака в 1395 г. По-видимому, это распространенная редакция повести, где первая часть — о перенесении Владимирской иконы в Москву — разработана в житейном стиле: оба украинских списка ее из собрания Петрушевича дошли в составе Пролога — Сборник житий № 6, в лист, 1618 г., лл. 418—423;⁵ Пролог мартовская половина, полуустав, конца XVII в., в четвертку, лл. 536—545.⁶

По замечанию И. Свенцицкого, оба списка повести, сравнительно с печатным текстом Пролога 1895 г., даны «в скороченю».

3. Заслуживает внимания рукопись собрания Тихонравова № 408, в лист, украинской скорописи XVII в., содержащая Хронограф, Александрию и Описание Иерусалима.⁷

4. В XVI в., видимо, на Украине превлекал внимание и ценился текст Толковой Палеи — «священноиерей Козма Васильевич... от богоспасаемого града Ковля» в 1549 г. подарил рукопись этого памятника «в руки старцом честным того святого монастыря Халандаря, которые в запрос приходили до нашеи земли Литовское, именем священноиноку Максиму а иноку Анастасию, а мают поминати сии 4 души: Василия, Уляну, священноиерея Козму, Татьяну».⁸ Текст Толковой Палеи составляет большую часть этой подаренной «на помин души» рукописи, представляющей сборник № 145 (9) Венской придворной библиотеки первой половины XVI в., на 385 лл., в лист. На лл. 1—218 читается Толковая Палея, с записью на лл. 1—9 о передаче ее в Хиландарский монастырь. В описании этого сборника отмечено, что

³ И. Свенцицкий, *Опис рукописів Народного Дому з колекції Ант. Петрушевича*, ч. I, Львов, 1906, стр. 1—18.

⁴ Там же, ч. II, Львов, 1911, стр. 1—32.

⁵ И. Свенцицкий, *Опис рукописів... ч. I*, стр. 125.

⁶ Там же, стр. 94.

⁷ Г. Георгиевский, *Собрание Н. С. Тихонравова. 1. Рукописи*, М., 1913, стр. 75.

⁸ А. И. Яцимирский, *Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек*, т. 1, Пгр., 1921, стр. 209—211.

с л. 300 начинается другой почерк. Во всяком случае даритель — «священноиерей Козма», записал, что он дарит «сию книгу глаголемую Палею», но не упомянул о других частях сборника, возможно, что они приплетены были позднее. Из приведенных в описании отрывков видно, что в языке рукописи есть фонетические украинизмы. Для характеристики судьбы на Украине Толковой Палеи этот список XVI в. представляет тем больший интерес, что до сих пор исследованы были лишь киевский список XVII в. и отрывок XVIII в.⁹

5. Со второй половины XVI в. и в XVII в. ожесточенная борьба украинского народа с польско-шляхетской экспансией протекала под знаменем защиты православия. В это время окрепли и культурные связи Украины с Русским государством, литература и книжность которого в целом давала идеологические средства для защиты веры, неотделимой в тот период от представления о национальном лице народа. Именно в это время усиливается приток на Украину русских книг, на «простую мову» переводятся уже непонятные широкому кругу читателей произведения, изложенные старано-русским языком. Через старца Артемия, бежавшего из Москвы, видимо, на Украине становятся известны сочинения Максима Грека и Нила Сорского. Вопрос об этом пути перехода еще не изучен, между тем в списке XVII в. сохранился «Устав о скитской жизни» Нила Сорского (рукопись Румынской Академии № 70, в восьмерку, украинским полууставом XVII в.¹⁰) и Толковая псалтырь в переводе Максима Грека с предисловием, объясняющим задачи переводчика и формулирующим строгие требования к нему (рукопись Венской придворной библиотеки № 31 (13), в лист, «западнорусского» письма XVII в., но с приписками, сделанными в Галиции или на Украине¹¹).

6. Среди памятников переводной повествовательной литературы есть немало сюжетов, известных и в русской, и в украинской литературе. Но не во всех случаях такого совпадения выяснено, имеем ли мы дело с вариантами одного перевода или в каждой из литератур перевод сделан самостоятельно, или, наконец, русский и украинский тексты, независимо один от другого, восходят к южнославянскому переводу.

а) Не исследован вопрос о том, какими путями в украинской литературе уже с конца XIV в. появился текст повести о Варлааме и Иоасафе: продолжает ли он только традицию древнерусского перевода Киевского периода или в это время со славянского юга передан был и другой текст. О последнем как будто свидетельствует список собрания Петрушевича № 7, в восьмерку, полу-

⁹ См. об этих списках: В. П. Адрианова. К литературной истории Толковой Палеи. Киев, 1910, стр. 40—63.

¹⁰ А. И. Якимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб. 1905, стр. 197.

¹¹ Там же, стр. 47.

устав XIV—XV вв., с выдержанной болгарской (евфимиевской) орфографией, но и с фонетическими украинизмами. В описании этой рукописи И. Свенцицкий отмечает, что местами текст повести больше приближается к греческому оригиналу, чем исследованный И. Франко список Креховского монастыря.¹² Очевидно, требуется расширить сопоставление украинских списков повести, еще не учтенных полностью (см., например, список библиотеки Народного Дома во Львове № 25/98^a, полуустав конца XVI или начала XVII в.¹³), чтобы выяснить их отношение к древнерусскому и югославянскому переводу.

6) В русской литературе до XVII в. включительно пользовались широкой известностью повести о Соломоне — переработки апокрифических и библейских сказаний о нем. Среди этих не до конца еще исследованных повестей распространен был рассказ о Соломоне и его жене, встречающийся и в украинских списках, отношение которых к русской версии еще не выяснено. Описывая один из сборников коллекции А. Петрушевича (№ 111, начало XVIII в., лл. 1—28), И. Свенцицкий заметил, что содержащаяся в начале его «Исторія о премудром Соломоне и о жене его» представляет собой перевод с польского языка.¹⁴ Судя по приведенному в описании началу этой повести, язык ее — обычный украинский литературный язык XVI—XVII вв. Необходимо проверить не только связь этой «истории» с польским текстом, но и отношение к ней других украинских текстов этой повести.

Из других сказаний о Соломоне в украинском списке (собрания Петрушевича, сборник № 193, конца XVI в., на л. 46 об.¹⁵) известна повесть о том, как Соломон заключил бесов в железную бочку, и о том, как он нашел Марии мужа Иосифа. Оба рассказа заслуживают исследования.

в) В русской литературе XVII в. широко распространена была своеобразная обработка известного и на Западе анекдота о пьянице, попавшем в рай, — повесть о бражнике. Связь с этой русской версией украинского «Слова о бражнике славном» (сборник собрания Петрушевича № 213, первой половины XVIII в., лл. 64—67¹⁶) еще не определена. Приведенные примеры показывают, что изучение русско-украинских литературных связей XIV—XVII вв. еще далеко не закончено, причем особенно ощущаются пробелы в исследовании тех фактов, которые свидетельствуют о том, что оторванные с середины XIV в. от северо-вос-

¹² И. Свенцицкий. *Опис рукописів...*, ч. I, стр. 63—66. То же в сборнике № 8, XVI в., лл. 165—172 об. (там же, стр. 69).

¹³ И. Свенцицкий. *Церковно- и русско-славянские рукописи Публичной библиотеки Народного дома во Львове*. ИОРЯС, т. IX, кн. 3, 1904, стр. 364.

¹⁴ И. Свенцицкий. *Опис рукописів...*, ч. I, стр. 181.

¹⁵ Там же, стр. 179—180.

¹⁶ Там же, ч. II, стр. 228.

точной Руси украинские земли продолжали поддерживать общение с ее культурой, в частности, на Украине становились известны произведения русской оригинальной и переводной литературы.

В. В. СТРУВЕ